

РАЗВЕДКА

41го

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

МЕРТВАЯ ТИШИНА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Художник — *Борис Аджиев*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Мертвая тишина / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190260-5

Немецкие войска готовятся оставить вяземский плацдарм. В качестве трофеев они планируют вывезти с собой материальные ценности, технику и рабочую силу. Чтобы предотвратить разорение оккупированной территории, наше командование забрасывает во вражеский тыл группу капитана Глеба Шубина. Опытный разведчик понимает, что помешать бесчинствам фашистов может только хорошо подготовленная диверсия. Капитан разрабатывает дерзкий план, предполагая привлечь к его осуществлению не совсем обычных помощников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190260-5

ГЛАВА 1

27 февраля поезд, шедший из Воронежа, прибыл в Калугу. Почти все пассажиры, приехавшие этим поездом в город, ставший прифронтовым, были военные. Редко-редко среди людей в солдатских и офицерских шинелях можно было заметить человека в гражданском пальто или телогрейке.

Среди других этим поездом приехал подтянутый молодой военный с капитанскими погонами на плечах. Это был капитан Глеб Шубин — разведчик, побывавший в боях на нескольких фронтах, в том числе участвовавший и в Сталинградской битве. Теперь ему предстояло нести службу на Западном фронте, которым, как ему было известно, руководил генерал-полковник Иван Конев. У караульного на вокзале Шубин спросил, где находится штаб фронта, и направился по указанному адресу.

Штаб занимал старинный купеческий дом в центре города. Часовой у входа спросил у Шу-

бина документы. Он внимательно их изучил, а еще спросил, откуда приезжий прибыл и кто ему нужен в штабе. С такой придирчивостью часовых Шубин сталкивался впервые и спросил, чем она вызвана.

— Так фронт же недалеко, товарищ капитан, — ответил часовой. — Немец своих шпионов к нам то и дело засылает. Ну и начальник службы «Смерш» майор Никифоров требует, чтобы мы проявляли бдительность. Так вы, значит, по линии разведки будете нести службу?

— Да, я разведчик, — ответил Шубин.

— Тогда вам не сюда, вам вон в тот флигель, — подсказал часовой. — Там располагается фронтовая разведка. А командует ею полковник Данилов Алексей Семенович. Стало быть, вам к нему.

— Ладно, пойду к полковнику Данилову, — ответил Шубин и направился к двери флигеля.

У входа во флигель приезжего тоже встретил часовой, который тоже проверил документы и задал те же вопросы — откуда и зачем приехал. Шубин уже начал привыкать к строгим порядкам, принятым на Западном фронте, в хозяйстве генерал-полковника Конева. Вернув Шубину его бумаги, часовой объяснил, где найти полковника Данилова.

Пройдя по коридору, Шубин постучал в указанную часовым дверь и, услышав: «Войдите»,

ступил в комнату. За столом, на котором лежали сразу несколько карт местности, сидел еще сравнительно молодой — лет сорока — человек с совершенно седыми волосами. Очевидно, это и был начальник фронтовой разведки полковник Данилов.

Шубин представился. Полковник встал из-за стола, подошел к нему и изучающее посмотрел на прибывшего.

— Значит, ты и есть Шубин? — сказал он. — Много о тебе слышал. И от Ивана Трофимовича Уколова, и от генерала Попова, твоих прежних начальников. Они хорошо о тебе отзывались. Говорили, что ты можешь решить самые сложные задачи. А у нас очень сложная задача, Шубин. Чтобы ты знал: это я тебя сюда вызвал, на Западный фронт. Потому что перед нами здесь стоят задачи повышенной сложности. Готов ты их решить?

— Готов, товарищ полковник, — ответил Шубин. — Пока что не было такой задачи, чтобы не удалось ее решить. А что за задача?

— Что ж, давай поговорим о задаче, — согласился Данилов. — Садись вот к столу и посмотри на эту карту.

И он пододвинул к разведчику карту, на которой на севере был обозначен Ржев, а на юге — Калуга, где они находились.

— Я слышал, ты уже воевал в здешних местах, — вновь заговорил Данилов. — Стало быть, тебе легче будет вникнуть в суть происходящего. Немцы продолжают удерживать крупный плацдарм в непосредственной близости от Москвы. Вот он, этот выступ, в него входят Ржев, Вязьма и Гжатск. От немецких окопов в этом месте до окраин нашей столицы всего сто пятьдесят километров. Совсем небольшое расстояние! Это создает угрозу для безопасности Москвы и всего нашего фронта в этом районе. Поэтому Верховное командование еще в январе поставило перед нашим фронтом, а также перед нашими соседями, Калининским и Брянским фронтами, задачу: нанести сходящиеся удары с севера и с юга и сровнять этот выступ. Однако пока готовились планы атакующих действий наших войск, немцы сами решили уйти из района Ржева. Ведь после того, как наши войска взяли Великие Луки, мы забрались немцам в тыл аж на двести пятьдесят километров. Враг понял, что над ним нависла угроза окружения, и поставил перед своими войсками задачу — поэтапно и без потерь отойти на новые рубежи. По крайней мере, такая информация поступила в Ставку Верховного главнокомандования. Когда об этом стало известно в Москве, в Ставке, нам также изменили боевую задачу. Теперь она звучит так: не дать немцам

тихо отойти, разгромить их войска при отходе! Понимаешь?

— Да, товарищ полковник, пока что все понятно, — ответил Шубин. — Надо постоянно наступать на пятки фрицам, не дать им от нас оторваться. Бить их при отходе — и полностью разгромить!

— Молодец, быстро схватываешь, — похвалил капитана Данилов. — Теперь я поставлю перед тобой задачу более конкретно. Задача такая: провести несколько разведок в разных местах нашего фронта, на севере и на юге, и выяснить, как устроена немецкая оборона в этом районе, готовятся ли немцы к отступлению или еще нет. Также нужно выяснить, где они готовят промежуточные рубежи.

— Рубежи, на которых отступающие части будут нас сдерживать? — уточнил Шубин.

— Верно. При крупном плановом отступлении всегда готовят такие рубежи. Без них любое отступление превращается в бегство, как было с нашими войсками на юге в прошлом году — ну, ты это знаешь. Вот про эти рубежи тебе тоже нужно будет как можно больше узнать. Как, справишься с такой задачей?

— Что ж, товарищ полковник, задача понятная, — ответил Шубин. — Ничего особо сложного я в ней не вижу. Когда прикажете при-

ступать к выполнению? Может, прямо сегодня и провести первую разведку?

— Торопишься, Шубин, слишком торопишься, — покачал головой полковник Данилов. — Ты ведь еще местность не изучил, расположения противника не знаешь. Как же ты будешь переходить линию фронта? Как будешь возвращаться? И я тебе еще один важный момент не сообщил. Карты этих мест у нас устаревшие. Так что прежде перед разведкой тебе еще нужно заняться картографированием местности. Вот тебе задание на ближайшие два дня: сегодня же выедешь на передовую, займешься составлением подробных карт местности. Заодно изучишь слабые и сильные стороны немецкой обороны. Затем, когда справишься с этой работой, я тебе дам толкового помощника, а лучше двух, и вы сможете отправиться на первое задание в немецкий тыл. Все понял?

— Так точно, товарищ полковник, теперь все понятно, — сказал Шубин. — Разрешите выполнять?

— Иди выполняй, — сказал Данилов. — Жду тебя послезавтра.

Шубин вышел на дорогу, ведущую к линии фронта, и стал ловить попутную машину. Спустя полчаса он уже трясся в кузове полуторки, ко-

торая только что отвезла в тыл партию раненых и теперь возвращалась за новой. От фельдшера, возглавлявшего бригаду санитаров, Шубин узнал, что раненых очень много: армия в ходе подготовки к наступлению вела бои, прорывала немецкую оборону. Вражеская оборона была прочной, попытки ее прорвать приносили большие потери.

Прибыв на передовую, Шубин представился командиру полка, который стоял напротив немцев на плацдарме на правом берегу Волги. И до вечера ходил вдоль линии фронта, в бинокль внимательно изучая местность по обе стороны от этой линии, сверяя увиденное с имевшейся картой и внося нужные поправки в старую карту. На следующий день он переместился южнее, в расположение другого полка, и здесь продолжил ту же работу. Заодно разведчик искал слабые места в обороне противника, «щели», через которые несколько человек могли бы просочиться на ту сторону. И парочку таких «щелей» он нашел.

Через два дня, к вечеру, Шубин вернулся к полковнику Данилову и положил перед ним на стол новую, исправленную карту местности.

— Заодно могу указать места, где можно перейти линию фронта, — сказал разведчик. — Вот здесь, в районе деревни Клиницы, местность

очень изрезанная, сплошные овраги. Немцы постарались на краю каждого оврага построить дот или поставить бронированный колпак. Но эти сооружения действуют против наступления войсковых частей. А небольшая группа людей сможет пройти по дну оврага, прямо под носом у расчета, сидящего в доте. Правда, перед этим ей надо будет разминировать местность — там, понятное дело, все сплошь заминировано. Кроме Клинцов, есть еще несколько таких мест, где мы можем пройти незамеченными туда и вернуться обратно.

Полковник Данилов внимательно изучил составленные Шубиным карты, рассмотрел и место возле деревни Клинцы, которое разведчик обозначил как удобное для перехода линии фронта. Затем одобрительно кивнул:

— Хорошо, первую часть работы ты выполнил. Теперь я пошлю за человеком, которого назначил тебе в помощники. Вот он придет, познакомлю вас.

И Данилов отправил за этим человеком часового, дежурившего возле штаба. И спустя десять минут на пороге комнаты появился невысокий, на полголовы ниже Шубина, молодой сержант.

— Вызывали, товарищ полковник? — спросил он.

— Да, Андрей, вызывал, — ответил Данилов. — Вот, знакомься. Это капитан Шубин. Прибыл на наш участок фронта специально, чтобы помочь с разведкой перед началом предстоящей операции. А это, — теперь полковник говорил, обернувшись к Шубину, — наш лучший лазутчик, сержант Андрей Коростылев. Сколько он мне языков притащил — не сосчитать. И такие ценные языки попадались! Кроме того, Андрей хороший стрелок, а также прекрасный сапер. Если ты считаешь, что место перехода линии фронта будет заминировано, то Андрей может тебе помочь преодолеть его.

— Нужное дело, — одобрил Шубин. Затем спросил нового напарника: — А немецким владеешь?

— Немного говорить могу, — ответил Коростылев. — Например, «Руки вверх!» приказать или сказать: «А ну, шагай вперед!»

— Полезное дело, — снова одобрил Шубин. Затем повернулся к Данилову: — Так что, товарищ полковник, теперь мы можем отправиться на первую вылазку?

— Да, можете, — кивнул Данилов и сказал Коростылеву: — Ты иди, Андрей. А нам с капитаном еще немного потолковать надо.

Когда сержант ушел, полковник плотно закрыл дверь, посадил Шубина за стол рядом с собой и негромко заговорил:

— Я еще не полностью ознакомил тебя с ситуацией на нашем фронте. А без знания этой ситуации ты будешь ходить словно с завязанными глазами и можешь попасть в беду. При сержанте я не хотел об этом говорить, потому что вопрос касается высшего командования, и я с тобой говорю как офицер с офицером. Так вот, чтобы ты знал. Сегодня утром пришло распоряжение Ставки Верховного главнокомандования: генерал-полковник Конев освобожден от должности командующего фронтом. На нее назначен наш начальник штаба генерал-полковник Соколовский.

— Вот оно что... — протянул Шубин. — Смена командующего... Да еще перед наступлением! Такое не часто бывает. А что случилось, почему вышло такое распоряжение?

— Да, об этом тебе тоже нужно знать, — согласился Данилов. — Дело в том, что мы уже давно получали сигналы о том, что немцы готовятся к отступлению с Ржевского выступа. И Ставка нас нацеливала на то, чтобы не дать врагу уйти, вовремя его атаковать. Но что значит «вовремя»? Мы столько раз пытались выдавить немцев из этого района, такие потери здесь несли, что не хотелось снова нарваться на то же самое. И командование фронтом медлило, стремилось точно узнать положение противника. Но

и сидеть сложа руки было невозможно. И пять дней назад, двадцать второго февраля, Конев отдал приказ перейти в наступление силами одной стрелковой дивизии, 352-й, и двух бригад. Наступали они на участке к югу от Ржева, прямо против Сычевки.

— Хорошо, и что же получилось? — спросил Шубин.

— Ничего хорошего из этого наступления не вышло, — ответил полковник Данилов. — Немцы встретили наши войска ураганным огнем. Все они были на месте, никто не отступил. Три дня наша дивизия пыталась пробить немецкую оборону. Мы потеряли до четверти личного состава, множество танков — и не продвинулись ни на шаг. Некоторые подразделения были уничтожены целиком. Так произошло, например, с отрядом из двадцати двух разведчиков. Из всего отряда уцелел один человек. Знаешь, кто это был? Тот самый сержант Коростылев, с которым ты только что познакомился. Так что он не понаслышке знает, что значит попасть в засаду к противнику. Вот та информация, которую я хотел до тебя донести. Имей это в виду.

— Кажется, я понял, какой главный вывод я должен сделать из вашего сообщения, товарищ полковник, — сказал Шубин. — Не то, что я должен быть осторожен, — тогда я буду плохой

разведчик и пользы от меня будет немного. А то, что противник в этом районе очень опытный, система обороны сильно укреплена. А это значит, что к своей задаче мы с сержантом должны относиться со всей серьезностью.

— Да, вот это будет правильный вывод, — кивнул Данилов. — Немцы, засевшие на Ржевском выступе, — опытные бойцы. Ошибок они не прощают. Вот теперь ты все знаешь, можешь идти на задание. Когда думаете выступить?

— Нынче ночью и пойдем, — ответил Шубин. — Проведем короткую разведку, рассчитанную всего на два дня. Завтра третье марта, надеюсь вскоре вернуться и доложить вам результаты разведки.

— Вот и хорошо, — сказал Данилов. — Твоих сведений мы будем ждать.

ГЛАВА 2

Время приближалось к полуночи, когда Шубин и Коростылев добрались до землянки командира 3-го батальона 302-го стрелкового полка капитана Сладкова. Батальон занимал позиции вблизи деревни Зимовники на правом берегу Волги. Составляя новые карты местности, Шубин уже успел познакомиться с капита-

ном Сладковым. Он уже тогда решил, что будет переходить линию фронта именно в этом районе. Батальон занимал позиции на холмах, тянувшихся на некотором удалении от Волги. На расстоянии примерно полукилометра к западу шла другая линия холмов — на них занимали оборону немцы. Между двумя линиями обороны пролегла нейтральная полоса — засыпанное снегом поле, на котором там и здесь виднелись снежные холмики. Это были засыпанные снегом тела наших бойцов, погибших неделю назад во время неудачного наступления.

Это место понравилось Шубину тем, что прямо напротив землянки капитана Сладкова виднелся глубокий овраг, уходивший в глубину вражеской обороны. Разведчик не сомневался, что устье оврага хорошо охраняется — там наверняка имелся немецкий окоп, и еще нужно будет подумать, как его обойти. Зато дальше, на дне оврага, на его крутых склонах немцы вряд ли устроят огневые точки — они не любили такие складки местности. Там Шубин и надеялся пройти в глубину вражеской обороны.

Разведчик заранее попросил Сладкова подобрать им с Коростылевым пару маскхалатов. И капитан выполнил эту просьбу: маскировка дожидалась разведчиков. Они оба надели маскхалаты, попрыгали на месте, проверяя, не брен-

чит ли что в карманах. Затем надели вещмешки, тоже зашитые в белую ткань, проверили автоматы — заряжены ли. Оба повесили на пояса ножи в ножнах. Вещмешки на этот раз были не слишком тяжелые: разведчики не брали с собой рацию, не было у них и запаса продуктов, котелков и всего того, что нужно для приготовления пищи. Из еды они взяли только каждый по горбушке хлеба и куску сала. А вместо горячего чая планировали использовать снег. Одни сутки можно было продержаться и на таком скудном пайке. Шубин рассчитывал пройти не больше двадцати километров в глубь немецкой обороны. Он знал, что немцы при отступлении устраивают временные линии обороны на расстоянии пятнадцати километров от передовой. Так что 15, ну, 17 километров они пройдут — и наткнутся на этот промежуточный рубеж. Разведают его, узнают его сильные и слабые стороны — и можно будет возвращаться.

— Ну, ты готов? — спросил Шубин напарника. Как всегда, перед началом операции его охватило нетерпение: скорее бы уже!

— Да, готов, — ответил Коростылев.

— Тогда пошли, — скомандовал разведчик.

Они вышли из землянки. Дул сильный ветер, который швырял в лица горсти мокрого снега. Погода была вполне мартовская — темпе-

ратура около нуля, мокрый снег. И это было на руку разведчикам — снег маскировал движения лучше всякого маскхалата.

Они выглянули из окопов, выползли в поле и поползли, прижимаясь к земле. Когда ползли мимо убитых, их окутал отвратительный запах: мороз ослабел и трупы начали разлагаться. Но сейчас эти погибшие бойцы помогали разведчикам, скрывали их продвижение по полю, потому приходилось терпеть.

Но вот они приблизились к немецким позициям. Теперь им нужно было совсем слиться с землей, стать невидимыми. Они продвигались дальше, используя каждую складку местности. Так они подобрались к немецкому окопу, который находился в устье оврага. Немцы были так близко, что разведчики различили каску часового, который наблюдал за местностью, высунувшись из окопа.

Когда Шубин планировал переход линии фронта, он думал, что придется брать врагов, что называется, «в ножи» — внезапно атаковать и всех вырезать. Но такая тактика могла сработать только при условии внезапного нападения. Если кто-то из немцев не спит, если он успеет закричать, подать сигнал тревоги — все, операция провалена. Прибегут другие немцы из соседних окопов, в ход пойдут уже не только но-

жи, но и винтовки с автоматами — и ни о каком прорыве через линию фронта речи быть не может. Только стремительное нападение разом на всех, находящихся в окопе, обеспечивало возможность скрытого продвижения дальше.

Но теперь, находясь в нескольких метрах от вражеской позиции, Шубин разглядел возможность другого развития событий. Правее немецкого окопа шла ложбинка, припорошенная снегом. Что, если проползти по этой ложбинке? Тогда враги их не заметят и они попадут в немецкий тыл без шума, совершенно скрытно.

Шубин дернул напарника за локоть и, когда тот повернулся к нему, указал рукой на ложбинку. Коростылев взгляделся в ту сторону, понял замысел командира и кивнул, мол, все понял. Затем пополз в ту сторону. Шубин последовал за ним.

Они ползли медленно, очень медленно, капитан начал замерзать, хотя было, в общем, не холодно. Ага, вот и ложбинка. Они спустились в нее — и теперь уже не видели ни поля, ни немецкого окопа слева. Двинулись по ложбинке вперед. Ползли, ползли... Они ползли, казалось, целую вечность. Наконец, взглянув влево, Шубин увидел над собой снежный склон. Значит, они миновали линию окопов и уже находились в овраге. Он приподнял голову, огляделся. Так и есть! Они прошли!